

XXXI.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ И МАРЬЯ ЦАРЕВНА.

Жилъ былъ въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ царь съ царицею. У нихъ были три дочери и три сына, четвертый Иванъ Царевичъ. У нихъ мать и отецъ оба померли. Они остались одни. Вышла большая сестра поутру, а ея женихъ идетъ—сопатыи нищій. Она взяла его за руку, да повела домой. А братъ говоритъ: что ты нашего привела стараго нищенка? А сестра его говоритъ: знать мнѣ такая судьба. — Ну, хорошо.—Его взяли, обмыли, сталъ онъ чистый. А на другое утро средняя сестра пошла,—навстрѣчу ея женихъ идетъ безрукій, нехорошій нищенокъ. А братъ ея говоритъ ей: что ты сопатаго такого нищенка ведешь? А сестра его говоритъ: знать такая моя судьба. И третья сестра также вышла поутру, и ея женихъ идетъ сопатыи, безрукій, безногий. А она его взяла за руку, да повела домой. А братъ говоритъ ей: что ты взяла такого безрукаго, безногаго, сопатаго? Она говоритъ: братецъ, знать мнѣ такая судьба. — Ну хорошо. — Они взяли его обмыли. Они пожили немного у брата, эти нищенки говорятъ Ивану царевичу: братъ, мы пойдемъ, гдѣ мы жили, на свое мѣсто.—Ну они ушли домой. А братъ ихъ остался одинъ.

Онъ разъ поѣхалъ въ походъ, поднялась буря. Вѣтеръ Иванову собаку разорвалъ и все у него разорвалъ. А онъ остался одинъ. Онъ пошелъ куда

его глаза глядятъ. Шолъ, шолъ, пришолъ онъ на крутую гору, тамъ стоитъ домъ мѣдный, а на воротахъ медвѣди, всякая скверность. А онъ говоритъ: мнѣ своя смерть не дорога. — Пошолъ, ворота растворились, зашолъ въ комнату, взшолъ въ другую, нѣсколько комнатъ перешолъ, въ самой послѣдней комнатѣ сидитъ Иванова сестра, а Иванъ говоритъ: здравствуй, сестра!—А сестра говоритъ: здравствуй, братецъ, куда тебя Богъ несетъ? — За Марью царевну свататься. А сестра говоритъ ему: не ходи, братъ туда, туда много хожалыхъ, мало ворочалыхъ. Садись подъ кровать, прилетитъ мой мужъ объ двадцати головъ змѣй. Иванъ царевичъ сѣлъ подъ кровать. Тутъ поднялся вѣтеръ, чичеръ, сорвало съ дому крышу, летитъ змѣй объ двадцати головъ: фу, фу что-то русскимъ духомъ пахнетъ, вѣрно нашъ тутъ братъ. — Хлопнулся тотъ змѣй о земь, сталъ онъ еще лучше Ивана-царевича. Ну они взяли Ивана царевича накормили, напоили, спать его положили. Нанѣ онъ всталъ, а братъ ему вшиваетъ три павлиньихъ пера. А Иванъ царевичъ говоритъ: на что ты, братъ, эти три пера мнѣ вшиваешь? Это, говоритъ змѣй: тебѣ ко время пригодится. А сестра его даетъ ему яичко и говоритъ: выди ты за ворота да пусти его, куда это яичко покатится, туда ты за нимъ иди. — Еще дала ему салфеточку, говоритъ: ты пить и ѣсть захочешь, она развернется.

Онъ пошолъ, вышелъ за ворота, пустилъ яичко, куда это яичко покатилося, туда Иванъ царевичъ пошолъ. Это яичко на крутую гору вскотилось и Иванъ вшолъ на эту гору. Тамъ стоитъ домъ золотой. А на воротахъ всякая скверность. А Иванъ ца-

царевичъ боится идти и говорить; какъ я пойду, они меня съѣдятъ.! Онъ пошолъ, ворота растворились. Онъ пошолъ въ первую комнату, вошолъ въ другую, нѣсколько комнатъ перешолъ, въ самую послѣднюю комнату вошолъ. Тамъ сидитъ сестра его. Онъ говоритъ: здравствуй, сестра!—Здравствуй, Иванъ царевичъ!—Онъ ей рассказалъ какъ собаку розорвало. А сестра говоритъ: садись подъ стулъ, прилетитъ змѣй объ тридцати головъ. — Онъ сѣлъ подъ стулъ. Тутъ поднялся вѣтеръ, съ дому сорвалъ крышу, летитъ змѣй объ тридцати головъ: фу, фу, что то русскимъ духомъ пахнетъ, вѣрно нашъ тутъ братъ. Этотъ змѣй трепнулся объ земь, сталъ еще лучше Ивана царевича. Они взяли Ивана царевича накормили, напоили, спать положили. Наранѣ встаетъ, а братъ ему вшиваетъ три пера павлиныхъ. А Иванъ говоритъ: братъ! на что ты эти три пера павлиныхъ даешь мнѣ? Братъ говоритъ: эти три пера павлиныхъ тебѣ пригодятся ко время. А сестра даетъ ему скатерть и золотое яичко. Онъ говоритъ: на что ты эту скатерть мнѣ даешь, да еще яичко? Она говоритъ: ты ѣсть и пить захочешь, она развернется; а это яичко ты выдь за ворота да пусти. Куда это яичко покатится, туда ты за нимъ иди.

Онъ пошолъ, вышелъ за ворота, пустилъ яичко: Куда это яичко покатилося, туда Иванъ царевичъ пошолъ. Шолъ, шолъ на гору на крутую, усталъ; тамъ стоитъ домъ хрустальный, а на воротахъ всякая гадость. Онъ пошолъ, ворота растворились. Иванъ пошолъ въ первую комнату, вошолъ въ другую комнату, нѣсколько комнатъ перешолъ, въ самой послѣдней комнатѣ сидитъ Иванова сестра. Иванъ го-

ворить: здравствуй, сестра! Она говорит: здравствуй, братец! Онъ рассказалъ какъ собаку его рорвало. Сестра говорит: садись подъ диванъ, прилетитъ змѣй объ сорока головъ. Онъ сѣлъ подъ диванъ. Тутъ поднялся вѣтеръ, сорвало съ дому крышу. Летитъ змѣй объ сорока головъ: фу, фу, что-то русскимъ духомъ пахнетъ, вѣрно нашъ тутъ братъ. Этотъ змѣй трепнулся о землю, сталъ еще лучше Ивана. Они его накормили, напоили, спать положили. Наранѣ Иванъ всталъ. А братъ ему вшиваетъ три пера павлиныхъ. Онъ говорит: на что ты эти три пера даешь мнѣ? А сестра ему даетъ коверъ самолетъ, да яичко и говорит: ты ѣсть и пить захочешь, онъ развернется, а это яичко ты выдь за ворота да пусти: куда оно цокатится, туда ты за нимъ иди.

Онъ пошелъ. Вышелъ за ворота. да пустилъ яичко. Куда это яичко покатилося, туда Иванъ пошелъ. Въ лугахъ лошади ходятъ. Иванъ поймалъ. А Марья царевна увидала, говорит: духи мои милые, тащите его въ тюрьму. Они его повели въ тюрьму. Тамъ сидятъ мужики. Они говорят: вотъ намъ принесутъ соломы. Иванъ говорит: я не робѣю. Они захотѣли ѣсть. Иванъ говорит: салфеточка развернись, раскатись, я пить и ѣсть захотѣлъ. — Она развернулась. Эти мужики напились, наѣлись, шумятъ. Марья говоритъ слугѣ: тюрьма моя хочеть разбѣжаться — поди, погляди, чѣмъ они это дѣйствуютъ? — Слуга пошелъ и говорит: кто тутъ? А Иванъ говорит: Иванъ-царевичъ. — Пошелъ этотъ слуга, сказалъ Марьѣ. — Тамъ, говоритъ, Иванъ царевичъ. — Она сказала слугѣ: ступай, спроси, чѣмъ

онъ занимается? Онъ пошолъ. — Кто тутъ чѣмъ занимается? — Тутъ такая есть салфеточка. — Онъ говоритъ: Иванъ, продай ее Марьѣ. А Иванъ говоритъ: продамъ, — три часа глядѣть на нее. Марья думала, думала и говоритъ слугѣ: посылай его сюда. — Онъ пришолъ. Марья надѣваетъ часы на себя. Иванъ на Марью глядитъ, а Марья въ часы. Какъ три часа прошло, Марья говоритъ: слуги мои милые, тащите его въ тюрьму. — Слуги повели Ивана въ тюрьму. А мужики говорятъ: Иванъ, теперь мы пропадемъ. Иванъ говоритъ: небось, не пропадемъ. Они ѣсть захотѣли. Иванъ говоритъ: скатерть развернись, раскатись, мнѣ пить и ѣсть хочется. Она развернулась, только пробки въ потолокъ шибаютъ. Они напились, наѣлись, шумятъ. Марья говоритъ: хочетъ тюрьма моя разбѣжаться, поди, слуга, погляди, чѣмъ они тамъ дѣйствуютъ. Онъ пошолъ и говоритъ: кто тутъ? Иванъ говоритъ: Иванъ-царевичъ. Этотъ слуга говоритъ: чѣмъ ты дѣйствуешь?—У насъ есть такая скатерть. Слуга пошолъ, сказалъ Марьѣ—тамъ Иванъ царевичъ. У нихъ есть скатерть. А Марья послала слугу: не продастъ ли онъ эту скатерть? Слуга пошолъ. Пришолъ и говоритъ: продай скатерть Марьѣ царевнѣ. Иванъ говоритъ: продамъ,—три часа цѣловаться. Марья думала, думала и говоритъ: ступай слуга, приводи Иванъ сюда. — Иванъ пришолъ. Марья надѣваетъ на себя часы. Иванъ на Марью глядитъ, а Марья въ часы. Какъ три часа прошло, Марья говоритъ: слуги мои милые, тащите его въ тюрьму. Эти слуги повели Ивана въ тюрьму. А какіе мужики въ тюрьмѣ сидятъ и говорятъ: теперь мы пропадемъ, Иванъ. А онъ говоритъ: небось,

не пропадемъ. Теперь намъ погулять надобно. Коверъ самолетъ, развернись, раскатись, мнѣ пить и ѣсть хочется. — Онъ развернулся, только пробки въ потолокъ шибаютъ. Эти мужики на коняхъ ѣздятъ. Тутъ Иванова собака проявилась. Марья говоритъ: слуги мои милые, тюрьма моя хочетъ разѣзжаться. — Слуги пошли говорятъ: кто тутъ? А Иванъ говоритъ: тутъ Иванъ царевичъ. — Чѣмъ ты дѣйствуешь? — Тутъ есть коверъ самолетъ. Слуга пошелъ, сказалъ Марьѣ: у него есть коверъ самолетъ. Марья говоритъ: поди и его купи. Слуга пошолъ, спросилъ у Ивана: — Марья хочетъ коверъ самолетъ купить у тебя, что за него? Иванъ говоритъ: пусть пойдетъ за меня замужъ. Слуга пошолъ, сказалъ Марьѣ, что Иванъ говоритъ. Марья думала, думала и говоритъ: приводи его сюда. Иванъ пришолъ. Тутъ они перевѣнчались.

Марья отдала Ивану ключи, да говоритъ: ты во всѣ анбары ходи, только въ одинъ не ходи. Иванъ всѣ анбары отперъ, а какой Марья не велѣла отпирать, онъ его еще не отпиралъ. Подошолъ къ анбару къ этому; думалъ, думалъ, что въ немъ есть — дай отопру; отперъ, а тамъ кашей безсмертный на конѣ сидитъ. Конь къ котлу прикованъ. Кашей говоритъ: а, Иванъ! Я тебя давно ждалъ, откуй моего коня, я тебя отъ трехъ смертей избавлю. Иванъ отковалъ. Кашей сѣлъ и уѣхалъ, Марью съ собой увезъ. Пришолъ Иванъ и говоритъ: гдѣ Марья царевна? А слуги говорятъ: кашей безсмертный увезъ. Иванъ пошолъ за Марьей. Она сидитъ у кашея въ домѣ, плохая, преплохая. Ее Иванъ не узналъ и говоритъ: пойдемъ со мной. Она говоритъ: вѣтъ, насъ

догонитъ кашей. — Нѣтъ пойдѣмъ. — Они пошли. А нашей безсмертный прїѣзжаетъ и спрашиваетъ у коня: гдѣ Марья царевна? А конь говоритъ: Марью царевну Иванъ царевичъ увелъ. Кашей говоритъ коню: не можно ли его догнать? — Можно; давай ковригу хлѣба и два ведра пива. — Кашей далъ хлѣба и два ведра пива. Конь поѣлъ. Кашей сѣлъ на коня и поѣхалъ. Марью у Ивана отнялъ и уѣхалъ. Иванъ опять воротился за Марьей, говоритъ ей: пойдѣмъ со мной. Марья говоритъ: нѣтъ, онъ насъ догонитъ. — Небось, не догонитъ. — Они пошли. А кашей прїѣзжаетъ и говоритъ: конь любезный, гдѣ Марья царевна? Онъ говоритъ: Марью царевну, Иванъ царевичъ увелъ. — Не можно ли догнать его? — Можно; дай двѣ ковриги хлѣба и четыре ведра пива, догоню. — Кашей далъ двѣ ковриги хлѣба и четыре ведра пива. Конь поѣлъ. Кашей на него сѣлъ и поѣхалъ. У Ивана опять отнялъ Марью и уѣхалъ: Иванъ пошолъ за Марьей, говоритъ: Марья, пойдѣмъ со мной? Она говоритъ: нѣтъ, насъ кашей догонитъ. — Небось, не догонитъ. — Они пошли. Кашей безсмертный прїѣзжаетъ и спрашиваетъ у коня: гдѣ Марья царевна? Конь говоритъ: Марью царевну, Иванъ царевичъ увелъ. Кашей и говоритъ: не можно ли его догнать? — Можно; давай три ковриги хлѣба и шесть ведеръ пива. — Кашей далъ коню хлѣба и шесть ведеръ пива. Конь поѣлъ. Кашей сѣлъ на него, да поѣхалъ; отнялъ у Ивана Марью и уѣхалъ. Иванъ опять пошолъ за Марьей и говоритъ: Марья, пойдѣмъ со мной. Они пошли. Кашей спрашиваетъ коня: конь любезный, гдѣ Марья? Онъ говоритъ: Марью Иванъ увелъ. Не можно ли его догнать? — Конь

говоритъ: можно; давай четыре ковриги хлѣба и восемь ведеръ пива. — Кашей далъ коню хлѣба и восемь ведеръ пива. Конь поѣлъ. Кашей съѣлъ на него и поѣхалъ. Онъ отнялъ у Ивана Марью, а самого разрубилъ и уѣхалъ.

Братья Ивановы идутъ да говорятъ: это нашъ братъ. — Журавли летятъ. Они поймали одного и хотятъ его съѣсть. А журавли говорятъ: не ѣшьте нашего журавля, мы вамъ этого человѣка отживимъ. Журавли полетѣли, живой воды и мертвой принесли. А братья збрызнули Ивана мертвой водой, — онъ сталъ цѣлый; а живой водой збрызнули, Иванъ всталъ и говоритъ: ахъ, братцы, какъ я долго спалъ. Они говорятъ: кабы не мы, ты еще бы дольше спалъ. — Они его послали къ бабѣ-ягѣ стеречь кобылицъ. — Ты не бери кобылицу, а паршиваго жеребенка.

Иванъ пошелъ къ бабѣ-ягѣ. Она говоритъ: зачѣмъ ты сюда пришолъ? — Кобылицъ стеречь. — Баба-яга Ивана накормила. Иванъ погналъ стеречь кобылицъ. Они, какъ вечеръ, такъ разбѣжались. Иванъ ихъ не соберетъ. Журавли летятъ. А Иванъ поймалъ одного журавля и хочетъ его съѣсть. Они говорятъ: не ѣшь его, мы тебѣ загонимъ кобылицъ. Они всѣхъ кобылицъ исклевали. Онѣ всѣ въ кучку собрались. А журавли говорятъ: ну бери, Иванъ, палочку, да гони ихъ. Иванъ погналъ. Баба яга его накормила. Онъ погналъ опять кобылицъ стеречь. Какъ вечеръ насталъ, кобылицы разбѣглись. А пчелы летятъ. Иванъ одну поймалъ и хочетъ съѣсть. А пчелы говорятъ: не ѣшь нашу пчелку, мы тебѣ загонимъ кобылицъ. Они ихъ всѣхъ искусали и говорятъ: ну бери палочку, да гони. — Иванъ взялъ палочку да

погналъ. Баба яга накормила его, напоила, спать положила. Наранѣ встаетъ Иванъ и опять погналъ стеречь кобылицъ. Какъ вечеръ, такъ кобылицы опять разбѣжались. Лягушка идетъ съ лягушонкомъ, а Иванъ поймалъ его и хочетъ убить. А лягушка говоритъ: не бей моего лягушонка, я тебѣ загоню кобылицъ. Лягушка взяла ихъ, да въ трясину, и выгнала ихъ изъ трясины, да говоритъ: ну бери палочку и гони. Иванъ взялъ палочку и погналъ. Баба яга накормила Ивана и спать положила. Наранѣ Иванъ всталъ. Баба яга обмыла кобылицъ, да говоритъ: ну бери, Иванъ, какую хочешь. Онъ говоритъ: нѣтъ, не возьму, — давай мнѣ паршиваго жеребенка. Баба отдала жеребенка. Иванъ поѣхалъ. Марью взялъ и увезъ на жеребенкѣ. Кашей на своемъ конѣ не могъ ихъ догнать. Какъ его конь пошолъ, такъ кашея растресъ. А Иванъ царевичъ и Марья царевна стали жить, поживать, добра наживать.

XXXII.

КОТЪ ЕРЕМЕЙ И КУМА ЛИСА.

Жила кума лиса въ землянкѣ. Стало холодно ей. Она пошла по лѣсу гулять. Съ ней встрѣтился котъ Еремей. Она говоритъ:—котъ, пойдѣмъ, со мною жить. Онъ пошолъ. Она говоритъ: хата то моя холодна, надо кому пибудь въ деревню за коноплями сходить, избу конопатить. Котъ говоритъ: кума, бѣги ты. Она говоритъ: у тебя шкурка-то дешевле, тебя не